

История одного еврея

(Маленький фельетон)

Журнал «Кодимо» («Вперед»)
№1, Ревель, 15 августа 1919 года.

Ответственный редактор и издатель
М. Зунделевич

Войдите!

Дверь кабинета неожиданно нерешительно медленно открывается, и на пороге показывается молодой человек с тоненьким бумажным свертком в руках.

Что Вам угодно?

Извините, пожалуйста! Вы господин редактор «Кадимо»?

Нет, я только сотрудник «Кадимо».

Так Вы не редактор?... Но Вы наверно хорошо знакомы с редактором?!

Да войдите же, не стойте на пороге. Садитесь. В чем дело!

- Может быть Вы попросите редактора напечатать вот это...

Он протягивает мне тоненький сверток.

Это Ваша рукопись?

Моя рукопись? Нет, это не рукопись. Это маленькая история одного моего знакомого еврея. Он вчера умер, т.е., не умер, а хотел умереть...

Я ничего не понимаю!...

Может быть Вы госп. редак..., т.е. госп. сотрудник прочтете, - там все сказано... Это он оставил мне перед смертью, т.е. не перед смертью, а перед тем, как захотел окончательного умереть...

Я разворачиваю листочки мелко исписанной бумаги и погружаюсь в чтение...

Дочитать до конца я уже не мог, - слезы душили меня, и я не хотел показывать их моему посетителю, с тревогой смотревшему на меня.

Хорошо, едва выговорил я, сделав над собой колоссальное усилие. Я передам г. редактору эту рукопись, она будет напечатана.

Молодой человек ушел, и я дал волю моим слезам...

Вот она, эта «маленькая история одного еврея». Я передаю ее своими словами, значительно смягчив краски из жалости к Вашим нервам, читатель.

Вы увидите, что герой этой повести талантливейший человек и, в то же время, с редко чистой и чуткой совестью и с большим самолюбием.

Он бежал от большевиков... В это время красные быстро отступали, а белые столь же быстро наступали. Он приехал в местечко N, поближе к фронту да там и остался, правильно рассчитав, что так как красные отступают, а белые наступают, то через неделю красные будут уже за местечком N, а белые в самом местечке. Этого ему и надо было, и так оно случилось.

Дорога в Ревель не представляла ему, как еврею, особенного труда.

Первое, что бросилось ему в глаза по приезде в Ревель – это обилие денежных знаков... К хорошо знакомым ему царским, думским и керенкам прибавились осты, «финки», кроны, фунты, доллары и мн. другое. От природы необычайно способный, он сразу понял, что это обилие разноцветных кредиток явление не обычное. Через два дня по приезде в Ревель он появился на валютной бирже и с головой ушел в интернациональную меновую торговлю, которую он лично считал непременным условием торговой и финансовой устойчивости государства...

Дело шло хорошо и, казалось, ничто не предвещало грозы, пока на бирже не случилось нечто, произведшее впечатление разорвавшейся бомбы... Одна из очень либеральных столичных газет сообщила миру, что ужаснейшее из известных нам зол – торговля деньгами, есть дело одних евреев и что нельзя ожидать упорядочения финансового дела государства, пока не будут перехвачены и спрятаны еврей-валютчики. Целый день и целую ночь герой сей печальной повести не находил покоя ни одному из своих оскорбленных чувств. Утро следующего дня застало его в железной решимости уйти от валюты и заняться солидным коммерческим делом на видном месте... Он разрешил себе удовольствие купить на свое имя дом, и через несколько дней столица обогатилась еще одним предприятием второй гильдии. «Он» стал второй гильдии купцом. Два дня прошли для него в именинном настроении. Короли коммерции завезли ему свои визитные карточки, а представитель местной участковой власти любезно пожал ему руку...

Но... судьба уже подкрадывалась к нему неслышными шагами. На третий день он уже сам прочел в той же столичной газете приблизительно следующее: «... у коммерсантов еврейской национальности началась горячка по покупке домов... Большая часть домов в важнейших улицах столицы уже в руках евреев... Если дело так пойдет дальше, то коммерсантам эстонской национальности скоро не останется ни дного дома, где бы в будущем можно было открыть какое-нибудь большое коммерческое дело...».

Газета выпала из его рук, с бледого лица заструился пот...

Опять евреи!.. Господи, защити же нас!...

На следующий день соседи в недоумении стояли перед заколоченными окнами его магазина...

Все рушилось...

Он решил уступить свое предприятие коммерсанту эстонской национальности, а самому поступить на службу...

Освободилось, на счастье, место директора завода искусственных удобрений, и ... он занял это место... Дело чистое, служебное и... во всяком

случае, почетное. Попавшее в надежные руки, дело искусственного удобрения пошло блестяще... Английские и шведские фирмы, видя безнадежность конкуренции закрывались одна за другой... Рынок был насыщен продуктами «его» производства...

От упоения головокружительным успехом его разбудили крики «караул!...» и все в той же неотступной столичной газете: «... управление заводами тоже переходит в руки евреев... Директор маслостойного завода – еврей N, директор завода минеральных вод – еврей M, директор завода искусственных удобрений – еврей A, и т.д. и т.д...».

Его благородная душа не выдержала и этой атаки беспощадного врага...

Он опустил совсем, осунулся, стал заметно хиреть, слабеть и врачи предписали ему немедленно бросить все и уехать... в Нымме, под палящие лучи тамошнего солнца...

Дремучий лес, почти синее небо, пенье воробьев, гамак и пр. быстро восстанавливали его силы.

Однажды вечером с субботы на воскресенье, лежа в гамаке в грустной задумчивости, он заметил господина средних лет в дымчатых очках, потертом пиджаке и в глубокой фетровой шляпе, закрывавшей лоб и уши, фланирующего взад и в перед мимо его тихой виллы...

Сердце его сжалось от недоброго предчувствия...

С затаенным дыханием он развернул понедельничный номер все той же столичной газеты... и ... без чувств грохнулся в горячий ныммеский песок...

Там было написано следующее: «... жизнь в Нымме выглядит сейчас так, как в маленькой еврейской республике... Видишь только евреев, слышишь еврейский язык, ходишь в еврейские лавки... и т.д. Просто евреи на каждом шагу...»

Куда уйти? Куда спрятаться от роковой газеты?! В монастырь!!... Да, в монастырь!

У евреев нет монастырей, зато есть синагоги.

Он ушел в синагогу...

Маленький амвон, святая святых, теплый угол, толстые, запыленные, старые как мир, фолианты... Мир и благодать...

Денно и ночью молился, громко, певуче, протяжно-уныло, как вся его жизнь... Сквозь низкие окна неся наружу его молитвенный экстаз!...

«Прочтите, реб Лейзер,» сказал ему однажды синагогальный служка подавая номер газеты...

«Опять о нас написали, а? Как это Вам понравится!?»

Газета писала: (за точность перевода не ручаюсь)

«По Макерской улице стало просто жутко проходить мирному человеку... День и ночь евреи не перестают петь свои молитвы, нарушая тишину прилегающих улиц. Желательно было бы, чтобы евреям было отведено более отдаленное место для молитвы за городской чертой, а то получается впечатление, будто в центре столицы вырос маленький Иерусалим с его знаменитой стеной плача...».

На этот раз он уже не падал в обморок... Привычка, говорят, очень много значит... Вечером того же дня он исчез, оставив на амвоне мелко исписанные листочки (их то мне и принес тот молодой человек...) и коротенькую

записочку: «Я ухожу... Не хочу больше жить... Если утром не вернусь, то я, значит, умер.

Утром он не вернулся!... Мир праху твоему, бедный мученик!..
Сотрудник «Кадимо».

P.S. Жив, жив, не умер!..

Тот же молодой человек взволнованный, сияющий стоял передо мной...

Как жив? Как это не умер?! Да ведь он не вернулся в то утро?!

Молодой человек сдержанно засмеялся...

Да объясните же в чем дело?!

Видите ли, он таки не вернулся, потому что он ушел на биржу, где этой самой валютой занимаются... Рано утром он отправился в лавку за спичками, которыми он думал отравиться. Но, видно, счастье не совсем оставило его... Перед смертью он захотел еще раз почитать ту самую газету, которая привела его к роковому шагу. На третьей странице он нашел следующую заметку...

Молодой человек вынул из кармана газетный клочок и стал читать:

«Нам сообщают, что в последнее время дорога на тот свет стала похожа на улицу в Нымме: видишь только евреев, слышишь еврейский язык, заходишь в придорожные еврейские лавки и т.д. Просто евреи на каждом шагу... И как это только управление дорог терпит такие беспорядки!...»

Так видите ли он решил, что умереть не стоит, и выхода никакого, собственно говоря, нет. Вы же спросите г. сотрудник, почему же он опять начал валютой?!... А? Так я таки Вас тоже спрошу: а с чего другого начать? Валюта? – нельзя! Торговля? – нельзя! Домовладелец? – нельзя! Директор? – нельзя! На даче? В синагоге – нельзя!

Так я Вас спрашиваю – с чего начать, а?!

Я стал рыться в номерах той столичной газеты, в надежде найти перечень занятий , евреям дозволенных...

Когда я их найду, я немедленно сообщу Вам, читатель. Терпения!

Тот-же.